

18+

АЛЕКСЕЙ НАЗАРОВ

ПАУК

Алексей Назаров

Паук

«Издательские решения»

Назаров А.

Паук / А. Назаров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-676216-9

Кажется, он обрёл идиллию, о которой мечтал. Но за шатким забором начинается древний лес. И в его тених что-то пристально смотрит. Чем заплатит он за покой?

ISBN 978-5-00-676216-9

© Назаров А.
© Издательские решения

Содержание

ПАУК	6
Глава 1: Дорога	6
Глава 2: Оазис	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Паук

Алексей Назаров

© Алексей Назаров, 2025

ISBN 978-5-0067-6216-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПАУК

Глава 1: Дорога

Видавшая виды «Киа» Яромира Крюкова захрипела в последний раз и замерла посреди дороги, точнее, направления. Сейчас это была грязная колея, теряющаяся в предвечерних сумерках где-то меж бескрайних, мокрых от недавнего дождя подмосковных полей. Справа и слева – стена сырого, по-осеннему оголённого леса. Сзади – километры пустоты. Впереди – неизвестность и быстро сгущающаяся тьма.

Яромир выругался сквозь зубы, ударив ладонью по ни в чём неповинному рулю. «Прекрасно! Просто замечательно! Мало ему неподъёмных выплат по кредитам и ипотеки к своим двадцати семи годам, так и заказ клиента довести не смог. Что за напасть!» Поломка была внезапной и фатальной – что-то глухо булькнуло под капотом, стрелка температуры взлетела в красную зону, и мотор сдался. Телефон упорно показывал одну черточку вместо антенны. «Глухомань», – мрачно констатировал парень про себя. Идеальный финал к его и без того не задавшемуся дню, неделе, пожалуй, жизни. Город с его бетонными коробками, вечной спешкой, натужным гудением и чувством потерянности остался где-то далеко, а здесь... Здесь была только сырая тишина, давящая своим масштабом и безлюдностью.

Он вышел из машины. Холодный, промозглый воздух надавил на лёгкие. Грязь чавкала под ботинками. Надо было решать, что делать. Ждать помощи здесь, на дороге, было сродни самоубийству – машины не проезжали уже час. Идти вперёд? Надеяться на деревню, упомянутую на последнем, стёршемся от времени указателе километров пять или гораздо больше, назад? «Уютное». Название звучало как насмешка.

Яромир взвалил на плечи рюкзак с самым необходимым, бросил последний взгляд на мёртвую машину – чуть видный силуэт на фоне грязно-серого неба – и зашагал вперёд по колею.

Лес стеной стоял по обочинам, чёрные, мокрые стволы сливались в непроглядную массу. Сумерки сгущались с пугающей скоростью, превращая обычный подмосковный пейзаж в чуждый, первобытный мир. Тишину нарушали лишь собственные шаги да редкие, жутковатые крики невидимых в чаще птиц.

Он шёл, казалось, вечность, уже начав сомневаться в существовании самой деревни, когда впереди, на повороте дороги, мелькнул слабый, жёлтый огонёк. Не фонарь, а скорее свет в окне. Сердце Яромира учащённо забилось – смесь надежды и необъяснимой тревоги. «Захочет ли кто открыть незнакомцу в ночь?»

Деревня «Уютное» встретила его полным безмолвием и полуразрухой. Несколько покосившихся изб с заколоченными окнами, заросшие бурьяном огороды, покинутый колодец. Жизнь, казалось, давно отсюда ушла. Но огонёк горел – в крайней избе, чуть в стороне от основной улицы, у самого леса. Дом выделялся – срубленный из толстых брёвен, потемневших от времени, но крепкий, не покосившийся. Высокий, глухой забор из неструганых жердей огораживал небольшой двор. Из трубы валил густой, жирный дым – пахло чем-то печёным, приятным, но незнакомым... может, сушёными травами.

Яромир подошёл к калитке. Сомнения грызли: кто тут живёт? Не напугаю ли, явившись в такой глуши? Но холод, усталость и абсолютная бесперспективность ночёвки под открытым небом перевесили. Он толкнул скрипучую калитку.

Во дворе было прибрано – чувствовалась хозяйская рука: аккуратно сложенные дрова, чисто подметённые ступеньки крыльца. Яромир поднялся по жалобно скрипнувшим доскам и постучал в массивную, обитую железом дверь.

Внутри слышались шаги, щёлкнула задвижка. Дверь отворилась, и в проёме возникла фигура.

Старик. Высокий, сухопарый, но не сгорбленный. Лицо изрезано глубокими морщинами, однако глаза... Глаза были пронзительно светлыми, почти молодыми, и смотрели на Яромира с неожиданной для этой глуши живой внимательностью. Он был одет просто, но опрятно: тёмные штаны, тёплая вязаная кофта.

– Добрый вечер, – хриловато, но громко произнёс старик. Голос был низким, с лёгким подмосковным говорком. – Заблудился, чай?

– Машина сломалась, – сбивчиво начал Яромир, чувствуя, как его буквально трясёт от холода и усталости. – Километрах в пяти, шести отсюда. Телефон не ловит... Не найдётся ли у вас места переночевать? Я заплачу, конечно.

Старик окинул его быстрым, оценивающим взглядом – от промокших ботинок до усталого лица. В светлых глазах мелькнуло что-то – то ли сочувствие, то ли любопытство.

– Емельян Родович, – представился он просто. – А ночевать... – Он отступил шаг, широко распахнув дверь. – Заходи, парень, не по-русски гостя на пороге держать. Смеркается, да и холодрыга – на улице торчать. Обогреемся, чайку попьём. Денег не надо. Добро пожаловать.

Тёплый, густой воздух, пахнувший дымом, печёным хлебом, приправами и чем-то древесным, хлынул навстречу Яромиру. Он переступил порог, чувствуя, как озноб начинает отпускать его тело.

– Яромир, – пробормотал он в ответ, следуя за Емельяном Родовичем вглубь дома. – Спасибо вам огромное, Емельян Родович. Вы меня просто спасли.

Хозяин что-то буркнул вроде «Не за что», но Яромир уже почти не слушал. Его внимание полностью захватило то, что он увидел внутри.

Дом... Он был не похож ни на что, что Яромир видел раньше. Не бедный, не богатый, а какой-то... настоящий. Старинная, добротная мебель тёмного дерева, вышитые полотенца на стенах, медный самовар, поблёскивающий в углу. Но больше всего его поразили стены. Они были буквально усыпаны куклами.

Не обычными куклами, а старинными мотанками, оберегами. Их были десятки. Сделаны из лоскутов ткани, льняных нитей, соломы, украшены лентами, сухими травами, бусинами. У каждой – своё выражение «лица», свой наряд, своя загадочная статичность. Они висели

езде: над дверями, у печи, вдоль стен. Одни были тёмные, выцветшие от времени, другие – казались свежее. Они молча наблюдали за вошедшим своими безглазыми, но невероятно выразительными «личинами». В полумраке комнаты, освещённой лишь керосиновой лампой да трепещущим пламенем в большой русской печи, они казались ожившими тенями, хранителями тишины и древних тайн этого дома.

Яромир замер, забыв на мгновение и холод, и сломанную машину, и всю свою городскую тоску. Он очутился в другом мире. Мире, где время текло иначе. Мире Емельяна Родовича и его немых украшений из ткани и ниток.

И впервые за долгое время где-то глубоко внутри, под слоем усталости и тревоги, шевельнулось тёплое, почти забытое чувство – умиротворение.

Глава 2: Оазис

Тепло печи обволакивало Яромира, как мягкое одеяло, прогоняя остатки уличного холода. Он стоял посреди горницы, не в силах оторвать взгляд от стен. Куклы. Их было так много. Они висели повсюду: над массивным дубовым столом, возле огромной русской печи, украшенной изразцами с причудливыми синими узорами, по углам, у дверей, ведущих, видимо, в другие комнаты и на чердак. Большие и маленькие, смуглые, почти чёрные от времени, и более светлые, с ещё яркими лоскутами. Сделанные из грубого льна, мешковины, перевязанные красными, синими, зелёными нитями, украшенные сухими колосками, пучками трав, деревянными бусинами. У одних вместо лиц были просто перекрещенные нити, у других – намёченные стежками глаза и рот, смотрящие в пустоту с невозмутимым, древним спокойствием. Они не были красивыми в обычном смысле. Они были сильными. И молчаливыми. И от этого – слегка жутковатыми.

– Садись, Яромир, гостем будешь, – голос Емельяна Родовича вывел его из оцепенения. Старик уже ставил на стол глиняную крынку с парным молоком и деревянную миску с душистым, ещё тёплым ржаным хлебом. – Пока печь топится, подкрепимся с дороги. Скоро и ужин поспеет.

Яромир машинально опустил на лавку у стола. Дерево под ним было гладким, отполированным временем и прикосновениями. Он отломил кусок хлеба. Корочка хрустела, мякиш был плотным, влажным, с непередаваемым ароматом дыма и зрелого зерна. Он отпил молока – густого, сладковатого, такого, какое не купишь в городе. Простота и совершенство этой еды всколыхнули в нём что-то глубокое, почти детское.

– Спасибо, Емельян Родович, – пробормотал он, чувствуя, как благодарность смешивается с нарастающим любопытством. – Дом у вас... необыкновенный. И куклы эти... – Он жестом обвёл стены. – Они везде. Что они означают?

Емельян, раздувавший в печи угли кочергой, обернулся. Его светлые глаза скользнули по стенам с куклами, и в них мелькнуло что-то тёплое, почти отеческое.

– Береги, парень. Старая сила. От предков. – Он подошёл к столу, сел напротив Яромира. – Каждая – не просто тряпица да нитки. В каждой – заговор, намеренье. От сглаза, от лихого ветра, от нечисти лесной. От тоски да ненастья в душе. – Он ткнул пальцем в сторону куклы с перекрещёнными на груди красными нитями. – Вот – Зерновушка. Чтобы достаток в доме был. – Палец переместился к другой, с пучком полыни. – А это – Травница. Воздух чистит, хворь отгоняет. А вон те, у порога – Берегини. Стерегут вход, зло не пускают.

Он говорил негромко, но с глубокой убеждённой уверенностью. Каждое слово звучало весомо, как отголосок давно забытой истины. Яромир слушал, заворожённый. В городе всё это казалось бы сказками, суеверием. Но здесь, в этом старом доме, в тишине, нарушаемой лишь потрескиванием дров в печи, под пристальным «взглядом» десятков безглазых стражей, слова Емельяна обретали странную силу. Они резонировали с той смутной тоской по корням, по простоте, что давно гнездилась в душе Яромира.

– А имя твоё... Яромир, – произнёс Емельян, пристально глядя на него. – Имя-то какое! Сильное, коренное. «Славящий мир» или «Ярый мир». Редко нынче такие имена услышишь. Всё больше иноземные да сокращённые. Забываем мы, парень, свою силу. Свои устои.

Яромир почувствовал неожиданный прилив гордости. Его имя – необычное, досталось от деда-историка, часто вызывало вопросы или усмешки. Здесь же оно звучало как пароль, открывающий дверь в нечто важное, настоящее.

– Да, – согласился он, жуя тёплый хлеб. – Дед настаивал. Говорил, имя должно нести смысл. – Он помолчал, разглядывая ближайшую к нему куклу – с длинными нитями-волосами цвета спелой ржи. – А вы... вы здесь давно живёте? Один?

Емельян махнул рукой, словно отгоняя муху.

– Давно ли, недавно ли... Время тут течёт иначе. Лес, тишина, своё хозяйство. Чего ещё старику надо? – Он подлил Яромиру молока. – Была семья... Давно. Разъехались, почили уже. Остались далёкие... – Он кивнул в сторону кукол. – Да они. Мои берегини. Пока они тут – дом стоит, порядок держится.

Яромир, оглядывая кукол, спросил:

– Вы так глубоко в традициях... А как же современный мир? Интернет, телефоны? Здесь же, наверное, даже связь не ловит.

Емельян Родович усмехнулся, негромко и как-то по-особенному – не свысока, но с лёгкой снисходительностью человека, знающего цену вещам.

– Ловит, парень, ловит. Иной раз зайдёшь на бугорок – и все полоски нарисуются, и пятый этот... джи. Смартфоны видел, телевизоры с картинкой, как в окне. Знаю я про ваш суетной мир. – Он махнул рукой в сторону, где, по его мнению, должен был быть город. – Шум, гул, беготня. Информация – рекой, да вся пустая, шелуха. Как тот гул в ушах после грозы, только не проходит.

Он подошёл к керосиновой лампе, стоявшей на полке рядом с очередным оберегом – куклой с пучком зверобоя, и поправил фитиль. Пламя вспыхнуло ровнее, отбрасывая тёплый круг света на тёмные брёвна стены.

– Вот она, моя «киросинка». Тепло даёт, светит, не гудит. И пахнет... по-настоящему. А печь... – Он похлопал ладонью по прогретой глазури изразцов. – Тут и жар, и пища, и душа дома. Всё в одном. Просто. Надёжно. Без лишних проводов и кнопок, что сломаться могут в самый ненужный момент. – Он посмотрел прямо на Яромира, и в его светлом взгляде не было ностальгии по прошлому, а было убеждённое предпочтение настоящего.

– Я не в былым живу, Яромир. Я в том, что настоящее. В том, что кормит, греет, защищает без лишней суеты и зависимости от чужих розеток. Ваши телефоны – баловство. Удобно? Может, и да. А нужно ли для жизни душевной? – Он покачал головой. – Шум от них в голове стоит. А тут... – Старик замолчал, дав Яромиру вновь ощутить ту самую, звенящую, наполненную лишь треском поленьев и собственным дыханием, тишину. – Тут слышно себя. И землю. И предков. Вот что важно.

В его словах прозвучала лёгкая грусть, но не горечь. Скорее – принятие. Яромиру вдруг страстно захотелось понять эту мудрость, это спокойствие перед лицом одиночества и времени. Городская суета, бесконечная погоня за чем-то эфемерным, споры, лицемерие – всё это

вдруг показалось ему невероятно далёким, ненужным, чужим. Здесь же... Здесь была тишина. Настоящая. Глубокая. И в ней – покой. Дом Емельяна Родовича, его печь, его хлеб, его немые обереги на стенах – всё это складывалось в картину желанной, почти идиллической простоты.

– Как тут... хорошо, – вырвалось у Яромира почти шёпотом. Он не планировал этого говорить. – Так тихо. И спокойно.

Емельян внимательно посмотрел на него. В его глазах что-то мелькнуло – удовлетворение? Одобрение?

– Место сильное, – сказал он. – Земля тут древняя, память хранит. Кто чувствует – тот находит покой. – Старик встал. – А теперь давай ужинать собирать. Щи в печи упрели, как раз в пору.

Пока Емельян хлопотал, доставая чугунок с дымящимися, невероятно аппетитно пахнущими щами, Яромир сидел за столом, смотря на пламя в печной топке, на тени, пляшущие на бревенчатых стенах и лицах кукол. Теперь они не казались ему такими жуткими. Они были частью этого мира. Частью покоя. Мысль о том, чтобы завтра утром собрать рюкзак и отправиться чинить машину, а потом – обратно в город, вызвала в нём почти физическую тошноту. Жгучее, иррациональное желание задержаться здесь на день, на два... а может, и дольше... охватило горожанина с неожиданной силой. Он ловил себя на том, что представляет, как помогает Емельяну по хозяйству, слушает его рассказы, просто дышит этим воздухом.

Он поднял глаза и встретился «взглядом» с одной из кукол – небольшой, с лицом из стянутых в центр лоскутков, образующим подобие носа и глазниц. В свете пламени тень на её «лице» дрогнула. На миг Яромиру показалось, что уголки стянутых нитями «губ» приподнялись в едва уловимой, знающей улыбке. Он моргнул – и улыбка исчезла. Игра света. Конечно же, игра света.

Но чувство глубокого, почти наркотического умиротворения не покидало его. Оно окутывало, как тёплый пар от щей, которые Емельян уже ставил на стол. Мир сузился до размеров этой горницы, до треска дров, до ароматов, до тихого голоса старика и немного присутствия множества тряпичных куколок на стенах. И в этом суженном мире Яромиру было хорошо. Так хорошо, что сама мысль о том, что за стенами этого дома существует что-то ещё – неудобный лес, сломанная машина, шумный город – казалась абсурдной и ненужной. Он хотел только одного – чтобы этот вечер длился вечно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.